

МИМОХОДОМ

Источник: А. Соболев. Человек за бортом. Повести и рассказы. М.: "Книгописная палата", 2001. - 320 с.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко, февраль 2008. <http://belousenko.com/>

Еще в июне в отряде было человек триста, тачанок десятка два -- обоз, честь-честью, с обозными.

Гаврюха за интенданта, зарубки делал, вроде прихода-расходной ведомости, сколько гимнастерок и штанов увезено с красноармейского склада под Голтой, сколько чаю, бумагеи, хрому и прочего добра бог послал на разъезде двадцатой версты, когда на разобранных рельсах окоченел поезд, передние вагоны кувырком по косогору, а уцелевшие мешочки наутек в лес, и сколько ботинок, сапог да пальто с покойников под обломками.

И максимычи были -- пять штук.

Еще к концу июля прибыл гонец от атамана Мурылы, от правобережного, с нижайшей просьбой Днепр перемахнуть, людишек в одно соединить, и не так, чтоб в подчинение, а на правах равных: команда по очереди и дележ пополам.

И Мурыле отвечал Алексей Ушастый, трех сотен начальник и командир над пятью пулеметами (был еще другой Алексей, под Вознесенском, Безухий, кого поймали в прошлом году, обезушили и расстреляли, а оказалось: не достреляли, уполз с красными пулями и выжил):

"Не хочу, потому что я сам по себе, а у меня не людишки, а партизанские революционеры за волю и землю для российского народа против комиссаров и жидов по тайному и равному голосованию, а ты, сукина сволочь, деревни палишь и на карачках в гетманы ползешь. Долой гетманов, офицеров и всякую власть. Ура!"

Диктовал Ушастый, а писал Симеон, из конотопских семинаристов, углем из костра потухшего по сосновой доске; доску обстругал Гаврюха...

Гонец доску взял, под рубаху сунул и ускакал, молча, как молча привез письмецо с сургучной печатью и шнурком.

Потом, когда к югу повернули и возле речушки на ночь расположились, Симеон подполз к Ушастому, под кусты.

-- Почему ты Мурыле сам не написал, а мне велел?

-- Неграмотный я, -- нехотя сказал Ушастый и зевнул. -- Спи уж, поповна.

-- Неграмотный? А у кого записная книжка за голенищем? С карандашиком... А намедни кто в ней все чиркал да чиркал?

Вскочил Ушастый...

Утром двинулись, верст пять отъехали, и схватился Гаврюха: нет поповича -- погнал двух в поиски, атамана не спросясь, за что и наказан был Ушастым: в строй отправлен на неделю.

А двое к вечеру нагнали и сапоги Симеона привезли, утопленника.

Ночью Ушастый из-за голенища вытащил записную книжку, исписанную мелким-мелким бисерным почерком, за пазуху спрятал и усмехнулся: не лезь, Симеон, конотопский семинарист, куда не надо.

В книжке прибавилось:

"Любопытно, до какой степени хладнокровия я дойду? Надолго ли я запомню кусты, речку сонную и пальцы скрюченные?"

К сентябрю от трехсот осталось десятка полтора, пулеметы побросали, когда от курсантов росным утром врассыпную кинулись -- обильно напирали курсанты, ночью промоинами обойдя, -- немотная ночь и не шелохнулась, когда по мураве поползли красные звездочки, сеть сплетая.

И тачанкам -- обозу воинскому -- конец пришел: интендант Гаврюха на сосне болтался, высунутым языком иглы лизал.

В комок собранный отряд, в грязи вываленный, катился к румынской границе.

Боцала единственная уцелевшая лошадь -- Ушастый крепко в седле сидел, а лицо как перчатка замшевая: скулы обтянуты, лоб, губа к губе притянута, и все серое -- щеки, глаза, и за пазухой книжка в переплете сером.

К румынской границе -- для пятнадцати отдых, водка румынская, девки бессарабские, лепешки кукурузные, а для шестнадцатого только действие третье (первое в Москве!) -- харчевня на Днестре,